

ЯЗЕПС ВИТОЛС В ПЕТЕРБУРГСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

Наталья Брагинская

Ключевые слова: Язепс Витолс, Петербургская консерватория, нотные рукописи, архивные собрания Санкт-Петербурга

Как известно, в стенах первого музыкального вуза России классик латышской музыки Язепс Витолс (*Jāzeps Vītols*)¹ провел без малого сорок лет (1880–1918), шесть из них – в качестве ученика, тридцать два года – в качестве педагога: преподавателя², затем профессора³. Различные аспекты связей композитора с Петербургской консерваторией неоднократно освещались в литературе⁴. Дополнить малоизвестными или забытыми фактами портрет Витолса – консерваторского питомца и маститого педагога, увидеть новые грани его богатой творческой личности, откомментировать непростые повороты его жизни позволяют документы, хранящиеся в архивных собраниях Санкт-Петербурга – Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), Кабинете рукописей Российского института истории искусств (КР РИИИ), Центральном государственном историческом архиве (ЦГИА), Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ СПб), Отделе рукописей Научной музыкальной библиотеки Санкт-Петербургской консерватории (НИОР СПбГК)⁵.

Речь пойдет о материалах из собраний Николая Римского-Корсакова, Александра Глазунова, Николая Абрамычева, Николая Финдейзена, Василия Ястребцева, Александра Фаминцына, Андрея и Надежды Римских-Корсаковых; в обзор включены и нотные рукописи Витолса, в основном из числа пятнадцати музыкальных автографов, хранящихся в РНБ. Возможно, часть источников, представленных в настоящей статье, знакома латвийским специалистам по творчеству Витолса, но на русском языке эти материалы никогда не публиковались и не обсуждались, поэтому считаю своим профессиональным долгом привлечь к ним внимание.

Закончив Петербургскую консерваторию дважды – в 1885 году (20-й выпуск) с аттестатом по классу теории композиции Юлиуса Иогансена (*Julius Johannsen*)⁶, в 1886 с дипломом и малой золотой медалью по классу практического сочинения Римского-Корсакова, он и в дальнейшем продолжал совершенствовать свои умения, с тем, чтобы *dārgakmeņi* / драгоценные камни⁷ накопленного опыта положить в основу здания новой латвийской музыки.

¹ Многообразные варианты произнесения и написания имени композитора отражают мультикультурный характер его творческой личности в меняющемся времени: *Joseph Vihitol*, *Иосиф Иванович Витоль*, *Йозеф Янович Витол*, *Язеп Витол*, *Язепс Витолс*.

² С 1 сентября 1886 г. ЦГИА, ф. 361, оп. 11, д. 1, л. 11. Списки преподавателей и служащих.

³ Профессор 2 степени – с 17 октября 1901 г. (ЦГИА, ф. 361, оп. 11, д. 1, л. 11. Списки преподавателей и служащих); профессор 1 степени – вероятно, с сентября / октября 1911: „в воздание 25-летней педагогической и композиторской деятельности, возведен в звание профессора 1-ой степени,“ как сказано в биографических сведениях о Витолсе, которые сам композитор приводит в письме к Н. Н. Финдейзену от 28 октября 1911 г. со ссылкой на программку к одному из концертов Зилоти (ОР РНБ, ф. 816, Архив Н. Ф. Финдейзена, оп. 2, ед. хр. 1224, л. 2). „...недавно возведен в звание профессора 1-й степ.“, – писала о Витолсе Русская музыкальная газета в октябре 1911 (№ 45. Стб. 944–945).

⁴ Гинзбург 1963, Витол 1969, Письменная 1976, Грюнфельд 1977, Vēģina 1991, Брославская 2005, Брославская 2009 и др.

⁵ Благодарю за содействие архивистов и источниковедов Наталью Рамазанову (ОР РНБ), Галину Копытову и Анастасию Касаткину (КР РИИИ), Аду Бонитенко (ЦГАЛИ СПб.), Раису Смольянинову (Архив СПбГК), Тамару Сквирскую, Елену Гончарову, Наталью Гарееву (НМБ СПбГК).

⁶ Малоизвестный факт зафиксирован в Протоколе худ. совета консерватории от 18 мая 1885 г. (ЦГИА, ф. 361, оп. 11, д. 173, л. 11–11 об.).

⁷ *Драгоценные камни* (1924) – название симфонической сюиты Витолса, посвященной Глазунову.

Иллюстрация 1. Александр Константинович Глазунов и Язеп Витолс (НИОР СПбГК)

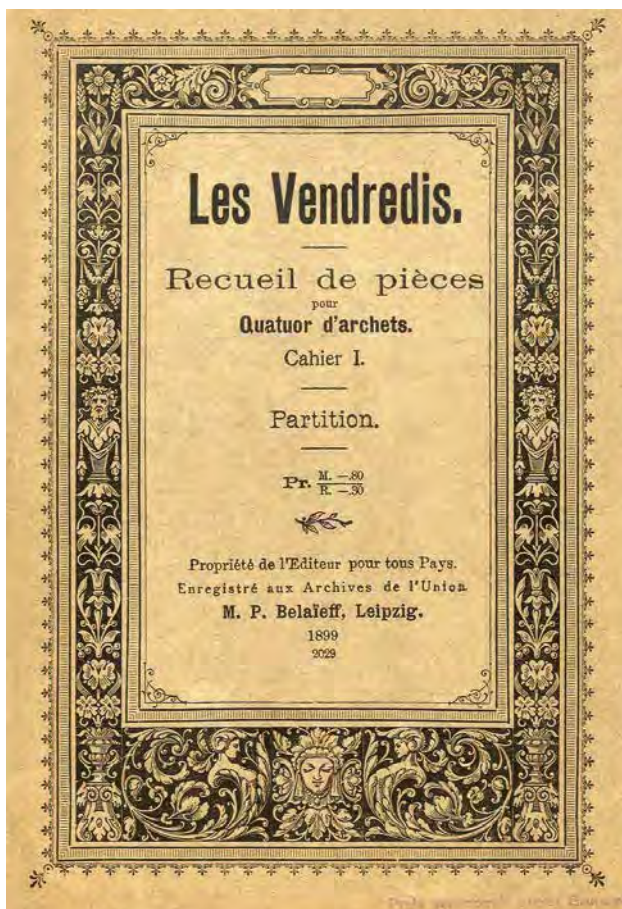

Иллюстрация 2. *Les Vendredis*.
 Титульный лист (Беляев, Лейпциг, 1899)

à Victor Ewald. 23
MENUET. J. Sibelius.
Cah. I. N° 4.
 Con moto moderato.
 Violino I.
 Violino II.
 Viola.
 Violoncello.
 Trio, la 2da volta pp
 2029

Иллюстрация 3. *Les Vendredis*.
 Менуэт Язепса Витолса (Беляев, Лейпциг, 1899)

Впрочем, не менее значительным оказался вклад Витолса и в российскую культуру. Язепс Витолс – „первый нерусский композитор – выпускник Петербургской консерватории, ставший ее преподавателем“ (Бобылев 1992: 133) – воспитал не одно поколение композиторов, дирижеров, инструменталистов. Традиционные списки его петербургских учеников⁸, где лидирующие позиции занимают Сергей Прокофьев и Николай Мясковский, можно дополнить именами выдающейся пианистки Надежды Голубовской (1891–1975), писавшей о Витолсе как о „превосходном музыканте“ (Голубовская 1988: 56), а также знаменитого дирижера Александра Гаука (1893–1963).

„Класс форм вел И. Витоль, музыкант необычайно разносторонний и с широкими взглядами,“ вспоминала маэстро. „Великолепно знавший классиков и романтиков, он как-то сразу почувствовал мои внутренние склонности и вывел меня на правильный путь. Под его руководством я написал сонату для фортепиано и до сих пор вспоминаю много ценных его указаний и советов. В его советах было много общего с тем, что я слышал от Черепнина и Блуменфельда. Мне было очень приятно встретиться в 1940 году с Витолем в Риге и после долгих лет поблагодарить его за годы учения.“ (Гаук 1988: 111–112)

В классе Витолса обучался и такой неординарный музыкант, как Иосиф Шиллингер⁹, чья симфоническая пьеса *Поступь Востока* исполнялась 12 мая 1926 года в Большом зале Ленинградской филармонии в одной программе с исторической премьерой Первой симфонии Дмитрия Шостаковича; имя Шиллингера замалчивалось в советские времена, вероятно, по причине его эмиграции в США в конце 20-х годов прошлого века.

Появлялся на уроках Витолса в Петербургской консерватории и Николай Обухов (1892–1954), впоследствии знаменитый парижский композитор-авангардист, правда, их контакты оказались недолгими: по мнению наставника, ученик „отказывался следовать по пути музыкальной логики“ (Витол 1969: 81). Это единственный случай педагогической непримиримости Витолса. В остальном „собака Витоль“ (как порой называли его подопечные за строгость и принципиальность), опережая своих коллег во главе с Глазуновым, проявлял чудеса толерантности к разнообразным новациям молодежи, стремясь „предоставить свободу настоящей убежденности“ (Витол 1969: 81).

Педагогами самого Витолса в Петербурге в разное время были профессор Иеронимус Вейкман (*Hieronymus Weickmann*), класс альта, Франц Черни (*Franz Czerny*) и Карл Фан-Арк (*Karel van Ark*), класс фортепиано, Леопольд Ауэр (*Leopold Auer*), квартетный класс. Ему довелось учиться у трех консерваторских директоров: в оркестровом классе – у Карла Давыдова, по теоретическим предметам – у Юлиуса Иогансена и Августа Бернгарда (*August*

⁸ Наиболее полный вариант списка представлен Е. Витолинем (Витолинь 1963: 76; Витолинь 1969: 4).

74 ⁹ Шиллингер, Иосиф (Джозеф) Моисеевич (1895–1943), композитор, музыковед, педагог, в 1914–1917 г. обучался в Петроградской консерватории по классу специальной теории композиции И. И. Витолса. В 1918–1922 г. жил в Харькове, преподавал в консерватории, руководил Украинским симфоническим оркестром. В 1922–1928 г. — в Ленинграде, консультант Народного комиссариата образования, один из лидеров ЛАСМ (член правления). Был известен как поэт (сборники *Светлая весть*, *Скрижаль Теурга* были изданы в Петрограде в 1922 г.), математик, художник, скульптор, фотограф, первый в России пропагандист джаза. Автор статьи *Электрификация музыки* и друг Льва Термена, изобретателя терменвокса, он написал одну из первых академических композиций для этого электромузыкального инструмента (*Первая аэрофоническая сюита*, 1929). После эмиграции в США в 1928 г. переключился на музыкальную теорию (*Система музыкальной композиции Шиллингера*, *Математические основы искусства*) и джазовую педагогику. Среди его американских учеников – Джордж Гершвин (*George Gershwin*), Гленн Миллер (*Glenn Miller*), Бэнни Гудмен (*Benny Goodman*), Джерри Маллиган (*Gerry Mulligan*) и др.

Bernhard). Но все же главным наставником для Язепса Витолса на всю жизнь остался Николай Римский-Корсаков.

Как-то, перелистывая старые экзаменационные журналы, Витолс прочел характеристику, данную ему Римским-Корсаковым во время учебы: „Оригинален; может быть, потому, что латыш“ (Витол 1969: 35). Существовали и другие отзывы Николая Андреевича, о которых, судя по всему, Витолс не знал. Так, в инспекторском журнале за май 1884-го по итогам первого года, проведенного „Иосифом Витолем, 21 г.“ в классе инструментовки и сочинения, Римский-Корсаков пометил: „Очень способен. Успехи отличные.“ И далее: „Талантлив и старателен“¹⁰.

Недаром Витолс посвятил Римскому-Корсакову свою Фортепианную сонату *b moll*, op. 1 – масштабное сочинение в роде *Gesellenstück*, созданное им в предпоследний год учебы¹¹. Римский-Корсаков бережно хранил печатный экземпляр сочинения, роскошно изданного Митрофаном Беляевым¹², с дарственной надписью на титуле: „Дорогому учителю Николаю Андреевичу Римскому-Корсакову в знак истинной благодарности и глубокого уважения. 5.XI.86. Автор“. Ныне ноты с ценным автографом находятся в собрании Н. А. Римского-Корсакова в Российском институте истории искусств¹³, а чистовая рукопись произведения – в Российской национальной библиотеке¹⁴. Памятный подарок, как явствует из даты в приведенном автографе, Витолс преподнес Римскому-Корсакову в знаменательный день премьеры Сонаты¹⁵: 5 ноября 1886 года латышский мастер будет считать началом своей самостоятельной творческой карьеры.

Римский-Корсаков неизменно поощрял композиторские опыты своего талантливого ученика, выступая в качестве дирижера на премьерных показах ряда значительных сочинений Витолса. Речь идет не только об исполнении первой части Симфонии на выпускном торжественном акте в Михайловском дворце в мае 1886 года, но и о премьерах симфонической картины *Праздник Лиго* 11 ноября 1889-го¹⁶, а также баллады для хора и оркестра *Беве́ринский бард* 18 марта 1900-го¹⁷ (обе – в Русских симфонических концертах).

Благоговейное отношение к учителю Витолс пронес через десятилетия. В трудные годы первой русской революции он был одним из четырех консерваторских профессоров – членов временного комитета по управлению, подписавших официальное письмо Николаю Андреевичу Римскому-Корсакову с просьбой о возвращении в Петербургскую консерваторию после несправедливого увольнения¹⁸. Приведем текст редкого документа, зафиксированный на специальном бланке:

¹⁰ Каталог архивного фонда СПб консерватории (1862–1952) в Информационно-библиографическом отделе НМБ СПбГК, Ученики класса Н. А. Римского-Корсакова (14).

¹¹ По значимости этотopus посвящение не сопоставим с другими фортепианными *homages* Витолса, например, по адресу директора консерватории Антона Рубинштейна – „две пустячные пьесы: *Юмореска*, op. 3, и *Berceuse*, op. 8“ (Витол 1969: 43).

¹² Как раз в 1886 г. Беляев открыл свое большое музыкальное издательство в Лейпциге „в целях содействия русскому искусству“. „Моя соната op. 1 в каталоге Беляева имеет один из начальных номеров“, – подчеркивает Витолс в *Воспоминаниях* (Витол 1969: 59).

¹³ КР РИИИ, ф. 7, р. XXIV, лит. Б, № 70.

¹⁴ ОР РНБ, ф. 1021, Собр. един. муз. пост., оп. 2, № 21. Наборная рукопись снабжена владельческими печатями Беляева, приписками и пометами простым и цветными карандашами.

¹⁵ Соната прозвучала в исполнении Николая Лаврова в зале Дворянского собрания в Русском симфоническом концерте Беляева.

¹⁶ Точная дата взята из биографических сведений о Витолсе, которые сам композитор приводит в письме к Финдейзену от 28 октября 1911 г. со ссылкой на программку к одному из концертов Зилоти (ОР РНБ, ф. 816, Архив Н. Ф. Финдейзена, оп. 2, ед. хр. 1224, л. 2).

¹⁷ Точная дата указана в наборной рукописи *Беве́ринского барда*, хранящейся в РНБ; на последней странице манускрипта с дирижерскими пометами Н. А. Римского-Корсакова его рукой начертано: „Исп. в 1 раз 18 марта 1900 г. в VI [Русском] С[имфоническом] К[онцерте].“ (ОР РНБ, ф. 1021, Собр. един. муз. пост., оп. 2, № 19, л. 10).

¹⁸ ОР РНБ, ф. 640, Архив Н. А. Римского-Корсакова, оп. 1, № 626.

¹⁹ Саккетти, Ливерий Антонович (1852–1916), историк музыки и виолончелист, ученик Римского-Корсакова и Давыдова, с 1878 г. педагог, с 1886 – профессор истории музыки в Петербургской консерватории.

²⁰ Лавров, Николай Степанович (1861–1927), пианист и педагог, окончил Петербургскую консерваторию в 1879 г.; с 1887 г. – преподаватель, с 1899-го – профессор, в 1915–1921 г. – инспектор и зам. директора консерватории. Участник Беляевского кружка, первый исполнитель фортепианного концерта Римского-Корсакова (1882), Фортепианной сонаты Витолса (1886) и др.

²¹ Габель, Станислав Иванович (1849–1924), певец, вокальный педагог, образование получил в Миланской, Парижской, Петербургской консерваториях; профессор Петербургской консерватории, инспектор, в 1905 г. непродолжительное время был ее директором.

²² ОР РНБ, ф. 902, Архив В. В. Ястребцева, оп. 1, ед. хр. 14, л. 1, 2.

²³ Эта особенность датировки Витолса давать указание на год в сокращении – без „тысячи“, типична для всех его писем. Здесь и далее в публикуемых письмах даты даются в соответствии с оригиналом, по старому стилю; орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами.

²⁴ Вероятно, речь идет об английском музыкальном критике Эдвине Эвансе, *Edwin Evans* (1874–1945), интересовавшемся русской музыкой (его монография о Чайковском вышла в Лондоне в 1906 г.), позже общавшимся с Сергеем Дягилевым и Игорем Стравинским.

²⁵ Из следующего письма Витолса от 30 ноября 1904 г. ясно, что Ястребцев предоставил требуемые материалы. Не исключено, что они были использованы Ястребцевым, одним из первых биографов Римского-Корсакова (Ястребцев 1908).

²⁶ М. О. Штейнберг был женат на дочери Н. А. Римского-Корсакова, Надежде Николаевне.

²⁷ Письмо от 18 июля 1933 г. (Витол 1969: 305). В Архиве М. О. Штейнберга в КР РИИИИ в письме Витола от 20 декабря 1933 г. (ф. 28. № 492) есть программка этого концерта, прошедшего 13 декабря 1933 г. После вступительного слова Витола в I отделении прозвучали *Сказка*, романсы, арии из *Кащей* и *Царской невесты*; во II отделении – Фортепианный концерт *cis moll*, арии из *Царской невесты*, из *Золотого петушка*, *Восточный романс*.

²⁸ Письмо от 20 января 1935 г. (Витол 1969: 311)

„Императорское русское музыкальное общество
С.-Петербургское отделение. Консерватория
30 ноября 1905 г.
№ 2168

Театральная площадь, собственное здание

Его Высочородию

Н. А. Римскому-Корсакову

Глубокоуважаемый Николай Андреевич.

Препровождая Вам копию с уведомления о даровании автономии СПетербургской Консерватории, временный комитет по управлению СПб. Консерваторией имеет честь довести до Вашего сведения, что Художественный Совет единогласно постановил просить Вас вернуться на Вашу кафедру и приглашает Вас на заседание завтра, в среду, 30 ноября в 8 ½ ч. вечера в помещении Консерватории.

Л. Саккетти¹⁹

Н. Лавров²⁰

И. Витоль

С. Габель²¹.”

Еще при жизни Н. А. Римского-Корсакова Витолс прилагает большие усилия для пропаганды его наследия, в том числе за рубежом, благодаря своим контактам с немецкими и иными иностранными печатными органами. Приведем письмо к В. В. Ястребцеву²²:

„25.XI.904²³.

Многоуважаемый Василий Васильевич,

Обращаюсь к Вам с большой просьбой. Некий Г-н *Evans*²⁴ в Лондоне готовит к печати книгу, посвященную обзору русской музыки – с фотографиями, автографами и т. д. выдающихся деятелей наших. Приложение должно образовывать каталог сочинений самых крупных авторов, между ними, разумеется, и Римского-Корсакова. Мне передали, что Вами составлен такой каталог нашего мастера²⁵; не окажете ли мне в интересах вышеупомянутого труда большую любезность доставить мне этот каталог для переписки? Премного Вам буду обязан.

Если Вам окажется неудобным переслать этот каталог ко мне на дом (Гороховая 56, кв. 22) или в консерваторию, то, может быть, Вы любезно укажете мне день и час, когда я мог бы получить каталог лично от Вас.

С совершенным почтением И. Витоль.”

После смерти Римского-Корсакова и в петербургские, и в рижские свои годы Витолс поддерживал отношения с людьми из ближайшего окружения мастера. Так, в опубликованной переписке с любимым учеником Римского-Корсакова Максимилианом Штейнбергом, связанным с мэтром и семейными узами²⁶, тема сохранения памяти Римского-Корсакова проводится красной нитью: здесь и план ученического вечера в Латвийской консерватории к 25-й годовщине со дня смерти композитора,²⁷ и поиски цветной репродукции портрета Н. А. Римского-Корсакова для *Истории музыки* Екабса Витолиньша (*Jēkabs Vītolīņš*) на латышском языке²⁸, и сюжет с постановкой *Китежа* в Дуйсбурге²⁹. Дополнительные факты можно почерпнуть из писем Витола,

хранящихся в РИИИ, адресованных вдове Римского-Корсакова, Надежде Римской-Корсаковой³⁰:

„СПБ, 10.III.913.

Глубокоуважаемая Надежда Николаевна,
Благодарю Вас от всего сердца за добрую память, за дорогой подарок³¹, который меня еще теснее свяжет с чудными воспоминаниями о незабвенном Николае Андреевиче.
Целую Вашу добрую ручку!

Искренне преданный и благодарный Вам И. Витоль.“

„19.IV.915.

Глубокоуважаемая Надежда Николаевна,
К большому сожалению, лядовская коллекция писем Николая Андреевича оказалась далеко не полной³². От многих писем остались лишь одни конверты. Они были когда-то для каких-то целей переданы Финдейзену³³ и им будто бы и возвращены; но потом очевидно потерялись, ибо Надежда Ивановна³⁴ при всех стараниях не смогла их разыскать. Пересылаю Вам то, что мне передано.

В. Г. Вальтер³⁵ обращается к Вам с просьбой: разрешить ему воспользоваться только одним *passus*'ом из одного письма Лядова Николаю Андреевичу. А именно теми словами, в которых говорится о похвале Иванова³⁶ *Мессинской невесте*³⁷. Я точно этого места не помню. Может быть, Вы дадите Ваше согласие позвонить к Вам сегодня вечером? Разумеется, „на счастье“.

Целую Вашу ручку. Вам благодарный И. Витоль.“

Особый научный интерес представляет переписка Витолса с сыном Н. А. Римского-Корсакова, музыковедом Андреем Римским-Корсаковым (1878–1940), в 1915–1917 годах редактором-издателем журнала *Музыкальный современник*. Из тринадцати писем Витолса, хранящихся в собрании А. Н. Римского-Корсакова в РИИИ³⁸, девять, датированных 1914–1915 годами, посвящены сюжету, связанному с публикацией большой статьи Витолса в новом, передовом российском журнале, основанном А. Н. Римским-Корсаковым.³⁹ Рецензию Витолса на книгу Арнольда Шёнберга (*Arnold Schönberg*) *Учение о гармонии (Harmonielehre)*, изданную в Вене в 1911 году (Schönberg 1911), А. Н. Римский-Корсаков, вероятно, планировал поместить еще в первом номере *Музыкального современника*, что для автора было делом сколь престижным, столь и ответственным. Но работа над первым выпуском журнала затянулась на полтора года, тем более что статья, в оригинале написанная Витолсом на немецком языке⁴⁰, потребовала перевода и сверок, оттого „горячий“ материал попал лишь во второй номер (Витол 1915).

Ко времени описываемых событий музыка Шёнберга уже была известна петербургским эстетам – благодаря программам *Вечеров современной музыки*⁴¹ и *Концертов Зилоти*⁴². И хотя Витолс вовсе не принадлежал к поклонникам Новой венской школы, думается, А. Н. Римский-Корсаков обратился к нему с важным поручением не только потому, что тот свободно владел немецким и мог без труда ознакомиться со сложным и очень объемным текстом Шёнберга.

²⁹ Письмо от 15 мая 1935 г. (Витол 1969: 313). Не говоря о том, что *Кутеж* и *Садко*, по инициативе Витолса, ставились в 1920-е г. в Латвийской национальной опере.

³⁰ КР РИИИ, ф. 9, Архив Н. Н. Римской-Корсаковой, разд. III (Витоль И. И.), № 2.

³¹ Не установлено, о каком подарке идет речь, но сам тон письма красноречиво свидетельствует о чувствах Витолса к памяти учителя.

³² Очевидно, по просьбе Н. Н. Римской-Корсаковой, пытавшейся систематизировать эпистолярное наследие супруга, Витолс разыскивал следы писем Н. А. Римского-Корсакова к Анатолию Лядову на правах близкого друга последнего.

³³ Финдейзен, Николай Федорович (1868–1928), музыкальный критик, основатель и главный редактор *Русской музыкальной газеты*, автор одной из первых монографий о Римском-Корсакове (Финдейзен, 1908).

³⁴ Вдова А. К. Лядова.

³⁵ Вальтер, Виктор Григорьевич (1865–1935), скрипач, музыкальный писатель и критик. В 1890 г. окончил Петербургскую консерваторию по классу скрипки Л. С. Ауэра. Концертмейстер оркестра Мариинского театра, с 1897 г. выступал в периодической печати, вел музыкальный отдел в *Малом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона*. Биограф Лядова, один из контрибьюторов мемориального лядовского сборника (Вальтер 1916), в котором принимал участие и сам Витолс (Витоль 1916).

³⁶ Скорее всего, имеется в виду Михаил Михайлович Иванов (1849–1927), композитор, музыкальный критик, сотрудник газеты *Новое время*.

³⁷ *Мессинская невеста* для солистов, хора и оркестра (1878) по заключительной сцене из одноименной драмы Шиллера – выпускная работа А. К. Лядова в Петербургской консерватории, с большим успехом исполненная 23 мая 1878 г.

³⁸ КР РИИИ, ф. 8, Архив А. Н. Римского-Корсакова, разд. VII (Письма к А. Н. Римскому-Корсакову), № 118.

³⁹ Состав солидной редколлегии был обозначен в рекламных анонсах, размещавшихся в первых номерах: „Открыта подписка на новый журнал *Музыкальный современник*, издаваемый П. П. Сувчинским и А. Н. Римским-Корсаковым под ред. Андрея Римского-Корсакова (при ближайшем участии Ю. Л. Вейсберг, В. Г. Каратыгина, проф. И. И. Лапшина, А. В. Оссовского, П. П. Сувчинского и Ю. Д. Этеля)“.

⁴⁰ Видимо, именно поэтому Витолс не включил данную фундаментальную работу в перечень основных своих публикаций на русском языке, ограничившись в *Воспоминаниях* лишь ссылкой на статьи о М. П. Беляеве и А. К. Лядове. (Витол 1969: 96)

⁴¹ Так, 28 марта 1911 г. в экстренном концерте *Вечеров современной музыки* в исполнении С. Прокофьева прозвучали 2-я и 3-я пьесы из ор. 11 Шёнберга (КР РИИИИ, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 172).

⁴² 8/21 декабря 1912 г. Шёнберг дирижировал в зале Дворянского собрания своей симфонической поэмой *Пеллеас и Мелизанда* (Климовицкий 2003).

⁴³ Письмо А. К. Лядову от 14 октября 1913 г. (Витол 1969: 271)

Важными доводами „за“ могли стать и профессиональная принципиальность, непредвзятость суждений Витолса, и непоколебимый авторитет консерваторского профессора: в преподавании гармонии он „следовал методическим принципам Римского-Корсакова и занимался по его учебнику“ (Бобылев 1992: 133), который редактировал и дополнял в сотрудничестве со Штейнбергом.

Еще в 1913 году, после знакомства со сборником статей *Arnold Schönberg* (Schönberg 1912), несмотря на всю иронию по отношению к мюнхенскому изданию – „панегирику Шёнбергу“, Витолс живо заинтересовался творчеством радикального венца: „ .. надо будет достать хоть его фортепианные пьесы; судя по нотным примерам в этой книжке – куда нашему Скрябину!“⁴³ Дальнейший ход дела комментируют письма.

„Почтовая карточка
Здесь.

Его Высокородию Андрею Николаевичу Римскому-Корсакову,
Кирочная ул., д. № 43/13, кв. 29
19.IV.914. Гороховая 56.

Многоуважаемый Андрей Николаевич,

Мой телефон бастует; итак – опять письменно:

Мне бы желательно было иметь Шёнберга *George-Lieder* и фортепианные пьесы ор. 11 и ор. 18 (19?) [так! – Н. Б.]. Как прикажете, не взять ли мне самому эти вещи у Юргенсона и предоставить Вам счет? Думал о *Gurre-Lieder*, но те печатаны только в партитуре и ценой около 15 рублей – значит, не стоит⁴⁴.

Вам преданный И. Витоль.“

„Нейбад – Паббаж, 14.VIII.914

Многоуважаемый Андрей Николаевич,

Хотя, должно быть, надежды мало на близкий выход *Современника*, то я все-таки на всякий случай старался написать отзыв об учебнике гармонии Шёнберга к обозначенному сроку.⁴⁵ Работа была довольно трудная⁴⁶; и, несмотря на все старания, я более краткой формы найти не мог. Извиняюсь за немецкий язык; писать на русском мне в данном случае стоило бы слишком много времени. Очень бы мне хотелось познакомиться с переводом до печатанья статьи.

Мой адрес, должно быть, за весь август: ст. Нейбад Лифл[яндской] губ[ернии], Паббаж штранде, усадьба Инце.

С совершенным почтением
Вам преданный И. Витоль.“

„12.IX.914 Гороховая 56

Многоуважаемый Андрей Николаевич,

По всей вероятности, моя статья еще не переводится и Вам теперь не нужна. Хотелось бы мне ее еще раз проверить; будьте добры, не откажите прислать мне рукопись хотя бы на непродолжительное время.

Искренне преданный Вам И. Витоль.“

⁴⁴ Судя по дате письма, заказ на статью поступил к Витолсу в апреле 1914 г. Как видим, погружаясь в изучение вопроса, он выписывает сочинения Шёнберга, созданные почти в одно время с *Учением о гармонии*, фактически в атональный период творчества: Пятнадцать песен из *Книги всеячих садов* Стефана Георге (*Stefan George*) ор. 15 (1909), Три пьесы для фортепиано ор. 11 (1909), Шесть маленьких пьес для фортепиано ор. 19 (1911); партитуру *Песен Гурре* (1901–1911) за дороговизной отвергает.

⁴⁵ Из письма следует, что свои обязательства по статье Витолс выполнил, справившись со сложной и трудоемкой работой за четыре месяца.

⁴⁶ Прежде всего, из-за объема рецензируемой книги – „ .. ведь немало терпения требуется и для того, чтобы, по не вполне академическому выражению самого Шёнберга, “перегрызть” и его учение, занимающее 475 страниц“, – напишет Витолс (Витол 1915: 111).

„Почтовая карточка

Иматра

Его Высокородию Андрею Николаевичу Римскому-Корсакову

Дача Д-ра Таскинена, близ санатория Рауха

Raivio g., 9/22.V.915

Многоуважаемый Андрей Николаевич,

Спешу Вам сообщить мой адрес:

Päikjärvi, Raivio g., Siskänen, J. Ив. В[ито]лю

Ожидаю копию моей статьи; Вы совершенно правы: с нотами будет „более дельно“ и живее. Нужную работу обещаю делать в непродолжительный срок.

Всего хорошего. Привет Вашей супруге⁴⁷, целую крестника⁴⁸ в надежде, что ему Иматра нравится. Вам преданный И. Витоль.“

„5.VI.915

Мой точный адрес пошлю Вам на будущей неделе.

Многоуважаемый Андрей Николаевич,

Статья моя кажется мне сегодня не хуже, чем год тому назад, значит, она годится в оборот. Только одно сомнение: будет ли она вполне понятна без нотных иллюстраций⁴⁹, от которых я нарочно отказался, чтобы не сделать ее слишком объемной; по той же причине я не ссылаюсь на страницы и т. п. Мне и без этого кажется все ясно, но не знаю, как постороннему читателю. Разумеется, для не-музыканта статья вовсе не написана. Но тут, мне кажется, исход:

Максимилиан Осеевич [Штейнберг] знает книгу. Не попросите ли его от меня и в интересах журнала прочесть статью и решить, можно ли обойтись без нотных выдержек. Если нет, то дело всегда поправимо; стоит только переписать статью снова и вставить то, что желательно иметь; и тут Максимилиан Осеевич своим советом тоже окажет большую услугу. Самого перевода это советом не касается; в нем ничего не будет изменено – разве в каких-нибудь мелочах.

Всего хорошего! Привет Вашей супруге и моему крестнику. Вам преданный И. Витоль.“

„Почтовая карточка

Ст. Иматра

Его Высокородию Андрею Николаевичу Римскому-Корсакову

Дача Д-ра Таскинена, близ санатория Рауха

Райвио, 15.VII.915

Многоуважаемый Андрей Николаевич,

Через два дня покидаю Финляндию; но до сих пор не получил обещанной рукописи. Будьте добры отдать распоряжение, чтобы она была отправлена в село Саки Тавр[ической] губ[ернии], для Григория Валихова, на мое имя. Вам, очевидно, больше повезло, чем мне; я неделями здесь проведенными не так уже доволен. Большое спасибо за приглашение; рад был бы видеть Вас и моего крестника, но по разным причинам не удалось. Надо было по делу встретиться с Глазуновым в Сердоболе, и это несколько помешало другим моим намерениям. Привет Вам и всем Вашим от искренне преданного

И. Витоль.“

⁴⁷ Супруга А. Н. Римского-Корсакова – Вейсберг, Юлия Лазаревна (1879–1942), композитор (ученица Энгельберта Хумпердинка/*Engelbert Humperdinck*, Макса Регера/*Max Reger*, Николая Римского-Корсакова и Александра Глазунова) и музыкальный критик; сотрудничала с мужем в журнале *Музыкальный современник*.

⁴⁸ Упоминается годовалый сын А. Н. Римского-Корсакова и Ю. Л. Вейсберг, Всеволод Андреевич Римский-Корсаков (1914–1942), погибший, как и его мать, во время блокады Ленинграда.

⁴⁹ Обсуждение завершилось в пользу нотных примеров.

„Здесь

Его Высокородию Андрею Николаевичу Римскому-Корсакову
Муз. Современник, Свечной пер., 2, кв. 12
22.IX.915.

Многоуважаемый Андрей Николаевич,

Начинаю Вам надоедать: но все-таки прошу Вас вернуть мне еще раз мою статью – лучше не переписанную, а то и переписанную. Обещаю ее не испачкать, так что с типографией возни не будет. Продержу ее не более одних суток.

Надеюсь, моя просьба не встретит никаких особенных неудобств.
Вам преданный
И. Витоль.“

„1.XI.915.

Многоуважаемый Андрей Николаевич,

Кажется, статья в этом окончательном виде ясна и, пожалуй, даже не утомит читателя.

Проверка первых нотных примеров затруднена неразборчивым их оттиском; но надо полагать, что все в порядке.⁵⁰
Всего хорошего!

Вам преданный И. Витоль.“

„21.XII.915.

Многоуважаемый Андрей Николаевич,

Простите, что решаю Вас беспокоить весьма „личным“ вопросом.

Год на исходе; приближается время всяких „чаев“. И тут мне помнится, что в редакции *Современника* у меня – если я правильно понимаю – имеется маленький кредит.⁵¹

Не окажете ли любезность указать мне, где и как я бы мог добиться удовлетворения моих низкопробных страстей (ибо рубль у нас, увы! – очень не в цене)?

Очень бы я Вам был благодарен за короткое сообщение по телефону (520-15), к которому намереваюсь прислушиваться завтра, во вторник, от 4–5 ч.

Весь Ваш
И. Витоль

Как мой славный крестник? Растет не по часам, а по минутам, надеюсь! Юлии Лазаревне целую ручку!“

Представленные письма отражают все стадии кропотливой работы Витолса над статьей, ставшей первым печатным отзывом на *Учение о гармонии Шёнберга* в России. Предлагаем читателю некоторые выдержки из нее, иллюстрирующие свойственные Витолсу дисциплину мысли и острый ум.

„К сочинению, претендующему на научную ценность, следует подходить с величайшей объективностью, из какого бы лагеря оно ни исходило“, – этой установки Витолс придерживается неукоснительно (Витол 1915: 110). „Наше хаотическое время .. насчитывает почти столько же сект, сколько и пророков. [...] Я ни в коем случае не хотел бы быть зачисленным в реакционеры; но решительно протестую и против упрека в тупой озлобленности, который Шёнберг бросает всем, кто не согласен с его единственно спасающей верой“ (Витол 1915: 111). „Книга Шёнберга подобна

⁵⁰ Речь идет о последней корректуре, т. к. для второго номера журнала запуск в печать был разрешен 29 октября 1915 г.

⁵¹ Имеется в виду гонорар за многотрудную статью.

кокосовому ореху: ядро окружено толстой несъедобной двойной оболочкой, и сам орех, несмотря на сладкий вкус, содержит в себе массу воды... Я попытаюсь расчленив книгу Шёнберга на три подотдела: учение об аккорде, учение о модуляции и учение о гармонизации“ (Витол 1915: 113).

Витолс любопытно комментирует явления эмансипации диссонанса и расширенной тональности: „Шёнберг приписывает значение консонансов даже самым отдаленным звукам ряда обертонов (именно из явления обертонов он выводит свою „систему изложения“)“ (Витол 1915: 114); „.. довольно интересно: диссонанс он выводит из манеры петь или играть *glissando*, при котором слегка задеваются промежуточные тоны“ (Витол 1915: 115). „Нужно быть слепым или несправедливым, чтобы отрицать широкие перспективы, открываемые этой смелой системой экспроприации; тональность не имеет уже более границ, и все же, *de jure*, у Шёнберга она сохранена“ (Витол 1915: 119). „Замечания Шёнберга о колеблющейся и упраздненной тональности .. совершенно логичны и находят себе подтверждение во многих примерах. В хроматической скале он видит основу будущей теории“ (Витол 1915: 121).

Замечателен вывод, к которому приходит рецензент:

„Учение о гармонии Шёнберга, несомненно, открывает новые горизонты для педагогики. Его книгу стоит прочесть не только преподавателю гармонии, но и всякому интересующемуся предметом. Я сомневаюсь, однако, в общей пригодности этого сочинения для учебных целей: в нем слишком много шлаков, которые учащийся не сможет отделить от благородного металла. Язык книги не соответствует языку учебника. Кроме того, при уменьшении числа страниц на добрую половину книга стала бы значительно более пригодной к употреблению. [...] Пусть чрезмерное обилие средств, приводимых Шёнбергом, имеет свои сомнительные стороны, все же – больше свободы, больше отваги!“ (Витол 1915: 124–126)

В особенности последнее восклицание Витолса заставляет скорректировать устойчивые представления о нем как о консерваторе⁵² и вспомнить один из первых откликов на его музыку в петербургской печати, написанный критиком А. С. Фаминцыным после премьеры Симфонии *e moll* в Русском симфоническом концерте 5 декабря 1887 года:

„В симфонии этой г. Витоль обнаруживает значительную технику и несомненное композиторское дарование. Он сильный гармонист, он недурно инструментует, у него есть даже удачные темы. Он пока еще не самостоятелен. [...] Он, очевидно, увлекся .. мощными сторонами музыки Второй симфонии Бородина и всю свою симфонию написал жестко и угловато. Формой он еще не вполне владеет. В его симфонии есть длинноты, есть несоразмерности, встречается некоторая разбитость [так! – Н. Б.], особенно вследствие частого употребления пауз. Взвешивая достоинства и недостатки этой симфонии, впечатление

⁵² „Музыкальный стиль Витоля и основной группы его учеников .. неоклассицизм и романтизм, базирующийся на народной музыке“ (Шнеерсон 1940: 74); ему свойственно „бескомпромиссное отрицание модернизма“ (Грюнфельд 1977: 40); „его музыка академична в лучшем смысле этого слова: сдержанна, ясна, и в то же время притягательно красочна“ (Braun, Klotiņš 2001: 802).

получилось бы в результате благоприятное, если бы не было заметно на каждом шагу, что и г. Витоль увлечен тем же ложным направлением, по которому следуют все почти наши юные композиторы с талантливейшим из них г. Глазуновым во главе. Это стремление исключительно к курьезному и небывалому во что бы то ни стало.⁵³

⁵³ Опубл. в газете *Музыкальное обозрение* за 10 декабря 1887 г. № 27. с. 335–336. Цит. по: ОР РНБ, ф. 805, Архив А.С.Фаминцына, оп. 1, ед. хр. 70, л. 140–140 об.: Биографический и исторический словарь русских музыкальных деятелей. Материалы Витоль И. И.

Вопреки тому, что за зрелые художественные взгляды Витолса нередко упрекали в известной академической узости, случай с Шёнбергом вносит новые краски в его образ и еще раз доказывает, что, по крайней мере, в своей педагогической практике Витолс придерживался более широких установок, достаточно вспомнить случай об атональной сонате, которую демонстрировал на экзамене кто-то из его учеников – к ужасу двух других экзаменаторов – Глазунова и Черепнина (Витол 1969: 83).

Если деловая переписка с А. Н. Римским-Корсаковым связана с консерваторией опосредованно, то письма Витолса инспектору и преподавателю фортепиано Петербургской консерватории Николаю Ивановичу Абрамычеву (1854–1931) погружают читателя в гуцу повседневной консерваторской жизни. На страницах *Воспоминаний* Витолс не раз говорит о важности инспекторской должности в регулировании учебного процесса, иронически описывает угрозу своего назначения на этот пост, аналогичный современной должности проректора, называет знакомых людей, занимавших его⁵⁴. И хотя имя Абрамычева в русской версии мемуаров встречается лишь единожды (Витол 1969: 50), именно он был близким другом композитора в консерваторском управлении⁵⁵. Двенадцать писем Витолса к Абрамычеву, хранящихся в РНБ⁵⁶, охватывают период с 1900 по 1910 годы и посвящены в основном весьма практическим вопросам, сопряженным с графиком консерваторских занятий. Прочитируем наиболее показательные из них.

„Дорогой друг Николай Иванович,

Не суждено мне видеть Консерваторию впредь до нового года – все еще обречен к жалкой пассивности – все еще лежу и лежа Тебе пишу!

Это неотрадное обстоятельство заставляет меня беспокоить Тебя моими делами; зная не только твое доброе сердце, но и кроме того уверен в Твоих дружеских чувствах ко мне, надеюсь, что ты не слишком рассердишься. Дело в том, что презренный металл мне теперь нужен больше чем когда-либо; а сам за жалованьем в Консерваторию таскаться не могу. Не получишь ли следующие мне гроши? Разумеется, после традиционных вычетов – в кассу (должно быть 40 р.), консерваторским содержателям трактира без крепких напитков 3 рубля, ученику Теще тридцать копеек. Жалкие остатки все-таки для меня означают капитал, нужный в эту тяжкую пору. Который-нибудь из консерваторских Онуфриев или Семенов⁵⁷, наверное, с удовольствием доставят мне „денежный пакет“, благо я свято обязуюсь наградить его за эту оказанную мне услугу тремя гривнями серебром. Прилагаю квитанцию; без нее, опасаясь, сердце Владимира Антоновича⁵⁸ окажется тверже камня.

⁵⁴ Юлиус Иогансен, Август Бернгард, Василий Самусь, Станислав Габель, Николай Лавров.

⁵⁵ Помимо сердечного тона писем, свидетельством их дружбы можно считать два нотных автографа: *Allegretto* Витолса для фортепиано с дарственной надписью автора Н. И. Абрамычеву от 24 мая 1889 г. (ОР РНБ, ф. 5, Архив Н. И. Абрамычева, № 84) и *Вариация* № 5 Витолса, датированная 19 января 1900 г., в коллективных *Вариациях на русскую тему* из сборника Н. И. Абрамычева (ОР РНБ, ф. 1022, Собр. коллект. муз. произвед., № 2, л. 10–11).

⁵⁶ ОР РНБ, ф. 5, Архив Н. И. Абрамычева, № 10.

⁵⁷ Имя Семен в письме подтекстовано под мотив *g1-es2-d2*, записанный восьмьюми в *c moll*.

⁵⁸ Скорее всего, консерваторский кассир.

Скучно, брат!

Передай директору⁵⁹, что я, свидетельствуя Им мое совершенное почтение, теперь страшно жалею, что отказался от их любезного предложения насчет замещения в моих классах; никак не помышлял, что немощь моя продолжится так долго.

Не имеются ли у Ивана какие-нибудь письма ко мне?

Сердечный привет Тебе, Анатолию Константиновичу, Александру Константиновичу и всем добрым друзьям. Молитесь за меня! Как здоровье Николая Александровича⁶⁰?

Твой „Калека“.

И. Витоль.

Дано сие ночью на 19 декабря м[есяца]
последнего года XIX столетия [1900].“

„Открытка Кавказ. Военно-Грузинская дорога. Вид на гору Казбек.“⁶¹

Здесь. Его Высокоородию Николаю Ивановичу Абрамычеву,
Консерватория.

Без даты.

Дорогой Николай Иванович,

Извини ради старой дружбы, но в пятницу не могу быть в
Консерватории раньше 12 ½ ч.

Среда. Твой И. Витоль.“

„Открытка с видом г. Архангельска

С. Петербург, Его Высокоблагородию Николаю Ивановичу
Абрамычеву, Консерватория
Архангельск⁶², 29.XII.901.

Дорогой Николай Иванович,

С новым годом! Думал тебе послать хороший зимний „ландшафт“⁶³, но у фотографа готового не нашлось, поэтому уж
ждидайся моего приезда, привезу. Зима чудная; тишина – свя-
тая. С усердием исполняю праздничную программу, главное –
спать выучился!

Сердечный привет Тебе и всем Твоим! Твой И. Витоль.“

„Открытое письмо.

С. Петербург, Его Высокоородию Николаю Ивановичу
Абрамычеву, Консерватория
Рига, 22.VIII.903.

Дорогой Николай Иванович,

Мне страшно хочется опоздать в Петербург из нескольких причин: летняя работа не докончена, есть довольно много дела относительно предстоящего певческого праздника, а в конце концов – в деревне покуда еще самая привлекательная жизнь. Нужен ли я в Консерватории раньше 9 сентября? [Нрзб] ведь не предполагаются, и на экзаменах и без меня обойдутся – обещаю потом весьма усердно экзаменовывать всех, кто желает. Напиши мне открытку, будь другом, и напиши, что меня не надо! Но возможно скорее – ведь до 1 осталось немного времени, а в неблагоприятном исходе я должен уже 30-го с[его] м[есяца] быть в вагоне. Адрес: ст. Бенен, Курл[яндской] губ[ернии], имение Дзельденгоф, у Л.Виллюмс. Привет Твоим! Твой И. Витоль.“

⁵⁹ Директором Петербургской консерватории в 1898–1905 г. был А. Р. Бернгард (1852–1908).

⁶⁰ Вероятно, Соколов, Николай Александрович (1859–1922), композитор и педагог, ученик Н. А. Римского-Корсакова, входивший в состав Беляевского кружка; в 1886–1917 г. преподавал в Придворной капелле, с 1896 г. – в Петербургской консерватории (с 1908-го – профессор). В письме он, наряду с Лядовым и Глазуновым, причислен к ближайшему окружению Витолса; в *Воспоминаниях* Н. А. Соколову отведено немало добрых строк.

⁶¹ Южная открытка осталась у Витолса с того лета, когда на Кавказе (в Пятигорске) он лечил ревматизм и писал свою Вторую симфонию, пропавшую в Петрограде во время Гражданской войны. (Витол 1969: 75)

⁶² В Архангельске во время новогодних праздников Витолс отдыхал у старшей сестры, Агнесы Витолы / (*Agnese Vitols*, 1858–1919), учительницы иностранных языков и фортепиано, органистки и хормейстера.

⁶³ Этот архангельский „ландшафт“ с видом церкви на Воскресной улице и дворняжкой на снегу на переднем плане тоже неплох. Открытки из Архангельска с очень короткими новогодними поздравлениями Витолс присылал Абрамычеву также в 1902-м и 1904 г.

⁶⁴ Как известно, Витолс был автором кантаты *Северное сияние* (*Ziemeļblāzma*) ор. 45, написанной к открытию одноименного дворца культуры, выстроенного в Милгрависе в 1914 г. на средства „латышского Беляева“ – лесопромышленника и мецената Аугуста Домбровского (*Augusts Dombrovskis*). В советские времена, благодаря тексту „революционного поэта Л. Паэгле“ (*Leons Paegle*), считалось, что „в аллегорических образах света, побеждающего тьму“, Витолс передал „идею социальной борьбы, грядущей революции“ (Грюнфельд 1977: 53). Думается, что поэтические идеи Паэгле для далекого от политики Витолса, скорее, служили отсылкой к рыцарскому эпосу, а в концепции сочинения присутствует не только метафорический план. Работая над кантатой летом на юге, в Крыму („25.VII.913.“, как указано в рукописи НИОР СПбГК, № 1466), композитор мог вспоминать и реальное природное явление, которым любовался в зимнее время на севере.

⁶⁵ По драматичному совпадению, письмо Витолса было написано в день смерти М. П. Беляева, 28 декабря 1913 г. по старому стилю.

84 ⁶⁶ Официальное известие о смерти М. П. Беляева Витолс получает от Абрамычева именно в Архангельске – городе юности Беляева. Горестный отклик на трагическое событие, направленный Абрамычеву, более развернут в сравнении с лаконичным письмом Витолса Лядову, написанным в этот же день, 3 января 1904 г. (Витол 1969: 267)

⁶⁷ Имеются в виду знаменитые Беляевские пятницы, на которых происходили встречи Беляевского кружка.

⁶⁸ Поясной портрет с пышным бантом на шее выполнен, как указано на снимке, по адресу: Художественное фотографическое заведение И. Риекст (*Jānis Rieksts*), Рига, Александровская, 17.

⁶⁹ Приведенный фрагмент популярной песенки про Чижика, который „на Фонтанке водку пил“, недвусмысленно намекает на причину головной боли Витолса, что объясняет и шуточную просьбу уничтожить компрометирующее автора послание.

„Открытка Архангельск. Бульвар набережной.

С. Петербург, Его Высочородию Николаю Ивановичу Абрамычеву, Консерватория Архангельск, 28.XII.903.

Дорогой Николай Иванович,

С новым годом! Не завидую Вам петербургским – у нас белая, чистая зима с инеем и со всеми прелестями. Даже солнце бывает. А северного сияния⁶⁴ все еще не было. Надеюсь, что у Вас все в порядке? Очень беспокоюсь о Митр[офане] Петр[овиче]⁶⁵. Твой И. В.“

„С. Петербург, Его Высочородию Николаю Ивановичу Абрамычеву, Консерватория Архангельск, 3.I.904.

Дорогой Николай Иванович,

Спасибо Тебе, друг, за письмо, но горе, какое горе в нем заключалось! И так мое тяжелое предчувствие сбылось, – не увижу я больше добрых глаз Митрофана Петровича⁶⁶, не будет у нас больше наших пятниц⁶⁷ – канули они в прошлое, в безличную историю! Как тяжело думать о таком событии – и еще тяжелее будет с ним свыкнуться!

Но героем умер наш Митрофан Петрович! Знал высоко держать свое знамя – о себе ни слова, о друзьях только заботился! И я не мог его проводить, не мог с ним простаться по христианскому обычаю!

Прости, что не распространяюсь о себе и о здешнем – ведь все так ничтожно в сравнении с тем, что нам теперь переживать приходится! И так ведь скоро опять увидимся, потолкуем. Надеюсь быть в Консерватории 8 января – кажется, это четверг.

Привет от сестры и спасибо за посланное ей и мне доброе слово! Жму твою руку!

Твой И. Витоль.“

„Открытое письмо-фотография Витола⁶⁸

С. Петербург, Его Высочородию Николаю Ивановичу Абрамычеву, Консерватория Нейбад – Паббаж, 7.IX.910.

Привет дорогому Николаю Ивановичу и постараюсь быть в Консерватории 20 этого месяца утром. Пока здесь еще рыба слишком хорошо удится, и хочется продолжать купанье в море, насколько уже переменчивая погода позволяет. Надеюсь, поздним приездом никого не обижаю.

Твой И. Витоль.“

„Записка на визитной карточке „Иосифъ Ивановичъ Витоль Профессоръ СПб. Консерватории. Гороховая ул., д. № 56“ Его Высочородию Николаю Ивановичу Абрамычеву, Консерватория Понедельник, без даты.

Дорогой Николай Иванович,

По закону природы у меня сегодня не то что адская, а все-таки довольно несносная головная боль; будь добр, сообщи об этом, кому следует, и не жди меня во время консерваторского завтрака. Без сумления [далее следует нотная строчка в *F dur* в басовом ключе на 2/4: *a-f-a-f-b-a-g-H. B.*]⁶⁹. Прошу уничтожить сие послание. И. В.“

„Вторник, без даты.

Дорогой Николай Иванович,
Я не здоров – опять нога испортилась, для разнообразия теперь на место правой – левая. Хотя думаю, что скоро поправлюсь, потому что не очень сильно хватило, то все-таки не уверен, буду ли в пятницу уже в состоянии быть в Консерватории. Ввиду этого считаю своим долгом вернуть присланную мне кантату с просьбой передать ее на просмотр кому-нибудь из товарищей. Будь добр, передай во II этаж, что завтра-послезавтра по болезни не буду.

Твой И. Витоль“

В цикле писем Витолса к Абрамычеву, где, как правило, формальные обстоятельства⁷⁰ обсуждаются неформальным языком – зачастую с изрядной примесью юмора, – нетрудно заметить две сквозные темы: болезни и недомогания, о которых автор извещает адресата как официального представителя консерваторской администрации и просит скорректировать его учебное расписание; отсрочки возвращения в консерваторию после летних каникул в Латвии. Одна из таких отсрочек летом 1918 года стала фатальной. В *Воспоминаниях* есть известная фраза Витолса: „Ведь не уволен я из Петербургской консерватории, но лишь использую свой бессрочный отпуск“ (Витол 1969: 83). Иллюзорность этого представления сегодня неумолимо доказывается параграфом 6 Протокола Художественного совета Петроградской консерватории от 14 августа 1918 года: в ответ на ходатайство Витолса, в котором он мотивирует свою просьбу необходимостью его участия в основании „латышской национальной оперной сцены,“ „постановили: разрешить отпуск до 1 января 1919 г. без сохранения содержания“⁷¹.

В 1918 году Петроградскую консерваторию завершили последние российские ученики Витолса. В 1918 году вышла в свет последняя российская рецензия на музыку Витолса, написанная его соратником по консерватории, знаменитым органистом Жаком Гандшиным (*Jacques Handschin*), включившим в обзор *Русская музыка для органа* и органную Пастораль Витолса (Гандшин 1918: 139).

Несмотря на отъезд из России, оставшиеся тридцать лет жизни Витолс чувствовал себя связанным с родной Петербургской консерваторией неразрывными узами. Многие строки в мемуарах Витолса говорят о том, как тяжело музыкант переживал вынужденное расставание: повторяющиеся петербургские сны, воображаемые беседы с консерваторскими друзьями... В Архиве Глазунова в РНБ есть замечательная открытка из Риги, с изображением здания Латвийской оперы – детища Витолса. Она отправлена в Ленинград на имя Глазунова 24 октября 1926 года и содержит групповое приветствие директору консерватории от бывших петербургских коллег; среди девяти надписей разными почерками есть и такая реплика: „Сердечно кланяется дорогому Александру Константиновичу Витоль.“⁷²

⁷⁰ Исключение составляет лишь обсуждение смерти М. П. Беляева.

⁷¹ ЦГАЛИ СПб., ф. 298, л. 35, л. 38-об., 41.

⁷² ОР РНБ, ф. 187, архив А. К. Глазунова, № 823. Также на открытке можно атрибутировать автографы Ц. Ганзен-Захаровой, Б. Захарова, П. Шуберга, Е. Шуберт, Ю. Маевского, Д. Маевской.

Осень 1926 года была отмечена для Витолса подготовкой к знаменательной дате – празднованию 40-летия творческой деятельности. В Архиве РИИИ находится приглашение на рижские торжества, адресованное А. Н. Римскому-Корсакову. Конверт отправлен из Латвии 6 декабря 1926 года, пришел по назначению 8 декабря 1926 года.

Адрес напечатан на машинке по-русски: „Ленинград. СССР. Андрею Николаевичу Римскому-Корсакову. Советская 48, кв. 10.“ Текст самого приглашения набран типографским способом на двух языках – латышском и французском⁷³ и извещает о том, что знаменитый композитор, профессор *Joseph Wihtol* отмечает 40-летие музыкальной деятельности; по этому случаю будет устроен концерт из произведений юбиляра в здании Национальной оперы 13 декабря 1926 года в 19.30 и банкет в 22.30 в Офицерском клубе (*Valdemāra iela*, 5)...

Занимаясь организацией события, Витолс не мог не вспоминать, как отмечали в Петербурге его первый большой юбилей 1911 года. „5 ноября ИРМО [Императорского Русского музыкального общества] празднует 25-летие музыкальной деятельности проф. И. И. Витоля, .. который по праву может считаться первым и наиболее крупным композитором Остзейского края“, – писалось в ведущем музыкальном издании России (РМГ 1911, 45: 944). Если в предварительном анонсе сообщались основные факты биографии педагога и композитора и перечислялись главные его сочинения, то статья в следующем номере Русской музыкальной газеты была посвящена торжествам, устроенным в Петербургской консерватории.

„5 ноября в Большом зале Консерватории состоялся юбилейный концерт и чествование проф. И. И. Витоля. Кроме известных симфонических произведений юбиляра, исполненных под управлением А. К. Глазунова (Драматическая увертюра, Вариации на латышскую тему), г-жой Маркович⁷⁴ был спет красивый романс *Чудесный кубок*, г. Налбандяном⁷⁵ сыграна Скрипичная фантазия на латышские темы. Большой хор объединенных латышских обществ под управлением П. Йозууса⁷⁶ замечательно стройно спел ряд прекрасных хоров, имевших крупный успех. В антракте происходило чествование юбиляра. СПб. Дирекция ИРМО избрала его почетным членом, СПб. Консерватория приветствовала И. И. адресом и поднесла серебряный сервиз. Далее следовали многочисленные deputации с адресами и подарками (от Попечительного Совета для поощрения русских композиторов, ряда певческих латышских Обществ – петербургских и иногородних, музыкальных Обществ и др. учреждений). Юбиляр удостоился получить поздравительную телеграмму от Председателя Главной Дирекции ИРМО Ее Высочества Принцессы Елены Георгиевны Саксен-Альтенбургской, а также более сотни телеграмм от разных музыкальных деятелей и учреждений. Ко дню юбиляра собрана крупная сумма на покупку усадьбы для И. И. Витоля на месте его родины, в Лифляндской губернии.“ (РМГ 1911, 46: 967)⁷⁷

⁷³ Лишь имя адресата вписано от руки „М. – А. N. Rimski-Korsakov“.

⁷⁴ Маркович (Берген), Мария (Микалина) Эдуардовна (1873–?), артистка оперы (меццо-сопрано), камерная певица и педагог. Училась в Петербургской консерватории у Франца Черни (фортепиано), а затем у Наталии Ирецкой (вокал). В 1900–1917 г. солистка Мариинского театра; выступала как концертная певица. С 1917 г. – профессор Петроградской консерватории.

⁷⁵ Налбандян, Иоаннес Романович (1871–1942), скрипач, продолжатель традиций своего учителя Л. С. Ауэра в Петербургской консерватории, профессором которой был с 1908 г.

⁷⁶ Йозуус, Петерис Пауль, *Pēteris Pauls Jozius* (1873–1937), латвийский органист и музыкальный педагог. Выпускник Петербургской консерватории по классу органа Луи Гомиллуса (*Lui Homilius*). В 1903–1907 г. капельмейстер театра Рижского латышского общества. В 1918 г. был приглашен Витолсом в Латвийскую Национальную оперу в качестве дирижера, в 1919-м – в Латвийскую консерваторию в качестве профессора органного класса. В 1935–1937 г. ректор консерватории.

⁷⁷ Творческий юбилей 48-летнего консерваторского профессора широко освещался и в других печатных органах, в частности, в двух выпусках газеты *Новое время* (№№ 12804, 12809).

Размах, с которым проходило юбилейное мероприятие, был свидетельством любви и уважения, которые питали к Витолсу консерваторские коллеги. После 1918 года празднования в честь Витолса в стенах Ленинградской консерватории приостановились на долгие годы, чтобы возобновиться лишь в послевоенное время.

Так, по случаю 100-летия композитора в декабре 1963 года в Малом зале им. Глазунова состоялся концерт из его произведений. Программа, открывшаяся вступительным словом профессора Семена Гинзбурга, включала фортепианную, скрипичную, камерно-вокальную, хоровую и симфоническую музыку латышского мастера, прозвучавшую в исполнении хора и оркестра консерватории (дирижеры Авенир Михайлов и Юрий Крамаров), хора Ленинградского Технологического института, солистов Надежды Юреновой, Даце Берзая (*Dace Bērzaļa*), Яутрите Путнынь (*Jautriete Putniņa*). Рецензию на концерт написал один из ведущих музыковедов-историков ЛОЛГК профессор Анатолий Дмитриев (Дмитриев 1964: 3).

Двадцать лет спустя, в апреле 1983 года, 120-летие Витолса прошло в Ленинградской консерватории под знаком выступления рижских артистов. Представительную делегацию из дружественной консерватории возглавлял проректор Дзинтарс Клявиньш (*Dzintars Kļaviņš*), комментировавший программу камерной музыки, которую исполняли скрипач Андрис Бауманис (*Andris Baumanis*), виолончелистка Лайма Кункуле (*Laima Kunkule*), пианистка Дайна Вилипа (*Daina Vilīpa*). Настоящим украшением концерта стало выступление знаменитой певицы Жермены Гейне-Вагнер (*Žermēna Heine-Vāgnere*). В консерваторской газете *Музыкальные кадры* был помещен отзыв профессора Аллы Кенигсберг на концерт латвийских музыкантов (Кенигсберг 1983: 4).

В наши дни пропаганде творчества Витолса много сил отдает в Петербургской консерватории доцент Татьяна Брославская, заведующая Кабинетом истории национальных культур. Первой ласточкой юбилейного года Витолса на петербургской земле стало организованное ею научно-творческое заседание, прошедшее 22 марта 2013 года в Доме национальностей, где студенты – композиторы и музыковеды Петербургской консерватории обсуждали в докладах и дискуссиях разные жанры творчества Витолса.

Пожалуй, главной данью памяти Витолса в последние годы стало инициированное латышскими коллегами установление в Санкт-Петербургской консерватории мемориальной доски у класса № 36, где некогда преподавал сам музыкант, где работал его учитель Римский-Корсаков и многие другие представители славной когорты композиторов петербургской школы, включая Шостаковича. Торжественная церемония 6 октября 2011 года

прошла в рамках Дней Риги в Санкт-Петербурге при активном участии Генерального консульства Республики Латвия.

В заключение напомним о неофициальном поздравлении, отправленном Витолсу из Ленинграда в июле 1933 года, ко дню его 70-летия, М. О. Штейнбергом.

„Прошло уже очень много лет с тех пор, как мы последний раз видели Вас в нашей среде, и все это время я живо ощущаю, насколько мне (и, думается, не одному мне) недостает среди нас такого цельного, глубоко преданного своему искусству, прямого, строгого к себе и другим, и, что особенно важно, всегда бодрого, проникнутого здоровым оптимизмом художника и человека, каким Вы всегда являлись перед нами.“ (Витол 1969: 303)

Думается, эти искренние слова не утратили своей актуальности и сегодня.

Литература и другие источники

Braun, Joahim; Klotiņš, Arnolds (2001). *Vītols, Jāzeps. The New Grove Dictionary of Music and Musicians*. V. 26. London: Macmillan, p. 802–803

Schönberg, Arnold (1911). *Harmonielehre*. Vienna: Universal Edition

Schönberg, Arnold (1912). *Mit Beiträgen von Alban Berg, Paris von Gütersloh, K. Horwitz u.a.* München: Piper

Vēriņa, Sofija (1991). *Jāzeps Vītols: komponists un pedagogs*. Rīga: Avots

Без подписи (1911). Профессор Иосиф Иванович Витоль. *Русская музыкальная газета* 45, стб. 944–945

Без подписи (1911). Юбилей И. Витоля. *Русская музыкальная газета* 46, стб. 967

Бобылев, Леонид (1992). *История и принципы композиторского образования в первых русских консерваториях (1862–1917)*. Москва: МПК

Брославская, Татьяна (2005). Язеп Витол – ученик Н. А. Римского-Корсакова (по материалам ОР СПбГК). *Памяти Михаила Кесаревича Михайлова. Сб. материалов и статей*. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГПУ, с. 289–300

Брославская, Татьяна (2009). Встречи на лядовских путях. *Непознанный А. К. Лядов*. Челябинск: Издательство МРІ, с. 150–173

Вальтер, Виктор (1916). Жизнь Ан. К. Лядова. Биографический очерк. *Ан. К. Лядов*. Петроград: Изд. Попечительного совета для поощрения русских композиторов и музыкантов, с. 3–101

Вальтер, Виктор (1916). Ан. К. Лядов как педагог. Приложение. *Ан. К. Лядов*. Петроград: Изд. Попечительного совета для поощрения русских композиторов и музыкантов, с. 207–212

Витоль, Иосиф (1915). Учение о гармонии Арнольда Шёнберга. *Музыкальный современник* 2, с. 110–126

- Витол, Язеп (1969). *Воспоминания. Статьи. Письма*. Ленинград: Музыка
- Витолинь, Екаб (1963). Страницы биографии (К 100-летию со дня рождения Язепа Витола). *Советская музыка* 7, с. 76–78
- Витолинь, Екаб (1969). Язеп Витол в латышской музыке. *Я. Витол. Воспоминания. Статьи. Письма*. Ленинград: Музыка, с. 3–10
- Гандшин, Жак (1918). Русская музыка для органа. *Мелос. Книга вторая*. Петроград: Государственная типография № 3, с. 134–139
- Гаук, Александр (1988). Путевка в жизнь. *Ленинградская консерватория в воспоминаниях. Кн. 2*. Ленинград: Музыка, с. 111–112
- Гинзбург, Семен (1963). Я. Витол. *Музыкальная литература народов СССР*. Ленинград: МУЗГИЗ, с. 67–87
- Голубовская, Надежда (1988). В Петербургской консерватории. *Ленинградская консерватория в воспоминаниях. Кн. 2*. Ленинград: Музыка, с. 56
- Грюнфельд, Нильс (1977). Язеп Витол. *История латышской музыки*. Москва: Музыка, с. 39–54
- Дмитриев, Анатолий (1964). Памяти Язепа Витола (к 100-летию со дня рождения). *Музыкальные кадры*. 15 января
- Кенигсберг, Алла (1983). Звучит музыка Язепа Витола. *Музыкальные кадры*, 13 мая
- Климовицкий, Аркадий (2003). Неожиданные сюжеты петербургской шёнбергианы. *Три века Петербурга: музыкальные страницы*. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГПУ, с. 148–180
- Письменная, Людмила (1976). *Язеп Витол и латышская хоровая культура*. Ленинград: Музыка
- Финдейзен, Николай (1908). *Николай Андреевич Римский-Корсаков: очерк его музыкальной деятельности*. Петербург–Москва: Бессель и КО
- Шнеерсон, Григорий (1940). Латвия. *Советская музыка* 9, с. 70–71, 73–76
- Ястребцев, Василий (1908). *Николай Андреевич Римский-Корсаков: очерк его жизни и деятельности*. Москва: Юргенсон

Архивные собрания Санкт-Петербурга

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ)

Архив Н. И. Абрамычева, ф. 5.

Двенадцать писем Витолса к Абрамычеву; два нотных автографа: *Allegretto* для фортепиано Витолса – с дарственной надписью автора Н. И. Абрамычеву от 24 мая 1889 г., № 84; *Вариация* № 5 Витолса, датированная 19 января 1900 г., в коллективных *Вариациях на русскую тему* из сборника Н. И. Абрамычева (ф. 1022, Собр. коллект. муз. произвед., № 2, л. 10–11)

Архив А. К. Глазунова, открытое письмо А. К. Глазунову из Риги (группа авторов), ф. 187, № 823

Архив Н. А. Римского-Корсакова, письмо Л. Саккетти, Н. Лаврова, И. (Я.) Витола, С. Габеля Николаю Андреевичу Римскому-Корсакову, ф. 640, оп. 1, № 626

Архив А. С. Фаминцына, ф. 805, оп. 1, ед. хр. 70, л. 140–140 об.: Биографический и исторический словарь русских музыкальных деятелей. Материалы Витоль И. И.

Архив Н. Ф. Финдейзена, ф. 816, оп. 2, ед. хр. 1224, л. 2

Архив В. В. Ястребцева, ф. 902, оп. 1, ед. хр. 14, л. 1, 2

Витоль И. *Бевринский бард* – наборная рукопись, ф. 1021, Собр. един. муз. пост., оп. 2, № 19, л. 10

Витоль И. И. Фортепианная соната *b moll*, ор. 1 – чистовая рукопись произведения, ф. 1021, Собр. един. муз. пост., оп. 2, № 21

Кабинет рукописей Российского института истории искусств (КР РИИИ)

Архив А. Н. Римского-Корсакова, ф. 8, разд. VII (Письма к А. Н. Римскому-Корсакову)

Архив Н. Н. Римской-Корсаковой, ф. 9, разд. III (Витоль И. И.)

Архив М. О. Штейнберга, ф. 28

Программы Вечеров современной музыки, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 172

Собрание Н. А. Римского-Корсакова, Витоль И. Фортепианная соната *b moll*, ор. 1 – печатный экземпляр, с дарственной надписью Николаю Андреевичу Римскому-Корсакову, ф. 7, р. XXIV, лит. Б, № 70

Центральный государственный исторический архив (ЦГИА)

Протокол худ. совета консерватории от 18 мая 1885 г., ф. 361, оп. 11, д. 173, л. 11–11 об.

Списки преподавателей и служащих, ф. 361, оп. 11, д. 1, л. 11

Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ СПб)

Протокол Художественного совета Петроградской консерватории от 14 августа 1918 года, ф. 298, д. 35, л. 38-об., 41

Отдел рукописей Научной музыкальной библиотеки Санкт-Петербургской консерватории (НИОР СПбГК)

Каталог архивного фонда СПб консерватории (1862–1952) в Информационно-библиографическом отделе НМБ СПбГК, Ученики класса Н. А. Римского-Корсакова (14)